

УДК 330.88

Д.Г. Кочергин, В.А. Логачев

ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ СТРАТЕГИЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ: НАЦИОНАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Нынешний глобальный экономический кризис не только разрушил иллюзию благополучия экономики России, но и обозначил острую необходимость отхода от инерционного рыночноориентированного сценария развития. Ответом отечественных ученых-экономистов на этот общественный запрос стали различные стратегии социально-экономического развития, предлагающие альтернативные рецепты будущего экономического успеха. Хотя кардинальных изменений в российском обществе с тех пор не произошло, эти стратегии вызвали широкий общественный резонанс. Вместе с тем, очевидно, что наряду с «общественной экспертизой» стратегий развития России необходимо и концептуальное осмысление предлагаемых мер, выявление их теоретической основы, что поможет точнее определить место в системе общественного развития, которое должна занять Россия в результате тех или иных стратегических изменений. За основу нашего анализа используем содержательную критику постиндустриальной теории и ее трактовок, тем более, что в отечественных исследованиях она прошла путь от полного отрицания до принятия ее как модели общества будущего.

Чтобы отразить весь спектр позиций отечественных ученых¹ в отношении будущего России, проведем сравнительный анализ трех ключевых взглядов: (1) *рыночно-постиндустриального* – выраженного в «Стратегии-2020: Новая модель роста – новая социальная политика» (далее Стратегия-2020), разработанной под рук. В. Мая и Я. Кузьминова [3]; (2) *рыночно-неоиндустриального*, предложенного В. Иноzemцевым [4]; (3) *планово-неоиндустриального*, развиваемого С. Губановым [2]. Прежде всего, обратимся к анализу первого взгляда, поскольку Стратегия-2020 претендует на статус официальной стратегии социально-экономического развития России до 2020 года.

Стратегия-2020 предполагает форсированный переход к постиндустриальному обществу в России, так называемую «догоняющую постиндустриализацию». По мнению ее авторов, постиндустриализация российского общества может быть осуществлена при помощи проведения соответствующей экономической и социальной политики. В рамках первой составляющей предлагается ориентация на «постиндустриальную экономику – экономику завтрашнего дня. В ее основе *сервисные отрасли*, ориентированные на развитие человечес-

кого капитала...» [3, с. 5]. Авторы встают на *отраслевую трактовку постиндустриализма*, видя *содержание современной общественно-экономической трансформации* в изменении *отраслевой структуры*. Социальная политика Стратегии-2020 также апеллирует к трактовке постиндустриализма – она «должна полнее учитывать интересы *тех слоев общества*, способных реализовать потенциал инновационного развития... С культурной точки зрения это люди с высшим образованием, относящиеся к креативному классу» [3, с. 4].

Популярность отраслевой трактовки постиндустриализма связана, прежде всего, с теоретической четкостью границ «постиндустриального общества», основанных на статистических показателях отраслевой структуры экономики и структуры занятости. Вместе с тем, это создает иллюзию полного понимания постиндустриальных процессов – внешние, формальные стороны постиндустриальной трансформации воспринимаются как ее сущность, а глубинным, основополагающим процессам не уделяется должного внимания. При этом, еще в работах Д. Белла было неявно указано на отличие *содержания* постиндустриализации от ее *формы*: «простейшей» характеристикой постиндустриального общества является становление «сервисной экономики», тогда как его подлинное содержание заключается в изменении места человека в обществе, «игре между людьми» [1].

Видя недостаточную теоретическую глубину отраслевой трактовки, ее сторонники, как правило, прибегают к обоснованию становления «общества услуг», используя другие социально-экономические теории. В частности, постиндустриализм, инкорпорированный в представления неоклассического мейнстрима, предстает в качестве *рыночной экономики*, основанной на использовании передовых технологий. Основным теоретическим способом включения идеи постиндустриального развития в равновесный подход, основной для неоклассики, является представление об изменении *структуре факторов производства* в постиндустриальном обществе, ключевой роли нового фактора производства – знаний. Хотя такой идеи придерживаются не только сторонники mainstream economics, но здесь она приобретает действительно системный статус, связующий воедино разрозненные тенденции и факторы.

Авторы Стратегии-2020 придерживаются неоклассической и неоинституциональной экономических теорий, говоря об «экономике предложений» и «снятии институциональных барьеров для

¹ Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки РФ, соглашение № 14.B37.21. 1996.

экономического роста» [3, с. 4], т.е. разделяют и рассмотренные выше теоретические представления о постиндустриальном обществе. Переход к постиндустриальному обществу видится им единственным экономически эффективным решением, ведь «в силу высоких внутренних издержек, включая оплату труда, конкурентоспособность отечественной экономики в секторе массового промышленного производства ограничена. В то же время высокое качество человеческого капитала и сохранившийся научный потенциал открывают перед страной возможности для того, чтобы занять определенные ниши на рынке технологий» [3, с. 73]. Этим допускается принципиальная возможность специализации страны исключительно на экспорте технологий, а в качестве примера и образца такой специализации выступает США. Формально теория Хекшера-Олина допускает подобное будущее и для России, если считать, что фактор знаний (остатки советской системы образования и науки) является избыточным.

Не смотря на *формальную логичность* рассмотренных планов развития, не стоит забывать и о *содержательной* стороне вопроса. В настоящее время отечественная сфера услуг скорее осуществляет перераспределение доходов от экспорта полезных ископаемых, чем создает национальное богатство. На это указывают и данные статистики: в 2011 г. 30 % ВВП России приходилось на сферы торговли и финансовых спекуляций [5]. Авторы Стратегии-2020, предлагающие форсированное «развитие» отечественной «экономики услуг», выражают интересы «креативной» элиты, требуя *перераспределения* в ее пользу всё большей доли *национальных доходов*. Наёмным работникам (умственного, и, особенно физического труда) в «новой» системе распределения отводится традиционное место «дойных коров». Такой сценарий, по сути, предполагает нарастание социальных антагонизмов «российского капитализма», обозначая перспективы формирования постиндустриализма «не для всех», в котором меньшинство получит доступ ко всем преимуществам постиндустриализма, а большинство будет довольствоваться постоянно уменьшающимися возможностями и благами индустриального общества.

Следствием укрепления позиций российского «перераспределительного постиндустриализма», фактически планируемого авторами Стратегии-2020, станет и усиление неоднородности *регионального развития*. «Право на жизнь» в такой системе остается только у регионов с добывающим профилем экономики и «постиндустриальных» мегаполисов. Основная задача первых – фактическое создание *всего* национального богатства *имеющимися* средствами, поскольку в приоритетах национального научно-технического развития перевооружение промышленности значится только формально. Производство технологий на экспорт и ориентация на передовые, «прорывные»

направления не оставляют надежды на «постиндустриализацию» добывающих отраслей. В мегаполисах, по сути, будет происходить перераспределение сырьевой ренты (что имеет место и сейчас), сопровождающееся ростом благосостояния, в первую очередь, «креативной» элиты. Положение наёмных работников, причастных к «креативному» производству, а также работников сферы обслуживания, хотя и улучшится, но не столь радикально, как представляют авторы Стратегии-2020.

Перспективы регионов, не обладающих запасами полезных ископаемых и находящихся на региональной периферии, вдали от центров «производства» знаний и инноваций, Стратегией-2020 не рассматриваются. Они так и останутся дотационными, а такой статус не предполагает возможностей для развития. Планируемое исключение из отраслевой структуры «постиндустриальной экономики» обрабатывающей промышленности как связующего звена между добычей ресурсов и созданием технологий будет способствовать усилению процессов перераспределения в пользу мегаполисов, отсекая от доступа к «постиндустриальным» благам все остальные регионы страны.

Таким образом, *рыночно-постиндустриальный* сценарий развития при формальной ориентации на создание экономики, производящей технологии на экспорт, фактически предполагает развитие «перераспределительного постиндустриализма» в России, следствием чего станет *закрепление и упрочнение социальных антагонизмов и увеличение неравномерности регионального развития*.

Либеральную альтернативу Стратегии-2020 представляет собой стратегия, разработанная под руководством ведущего отечественного постиндустриалиста В. Иноземцева. Прежде всего, в ней предполагается ориентация на *индустриальное развитие*: «развитие России неизбежно следовало бы переориентировать в направлении «новой индустриализации», создания мощной промышленной базы, которая смогла бы производить как массовую, так и индивидуальную научкоемкую продукцию, конкурировать на мировом рынке с товарами из развитых стран» [4, с. 7].

В. Иноземцев не только не отрицает реальность постиндустриального этапа экономического развития, но и говорит о начале процесса преодоления «экономической общественной формации» (капитализм/социализм) – становлении «постэкономического общества». Признается им и изменение структуры факторов производства в постиндустриальном обществе, что, по его мнению, является одним из подтверждений «деструкции» стоимостных отношений капитализма.

В. Иноземцев приходит к практическим рекомендациям, отличным от Стратегии-2020, даже не смотря на схожесть теоретических позиций, и более того, содержательно оппонирует подобным взглядам: «официально заявленная задача построения «умной экономики» и переход на «инноваци-

онные рельсы» развития практически недостижима в ближайшее время, так как инновационная экономика в исторической ретроспективе успешно развивалась лишь там и тогда, если она опиралась на мощную промышленность... (курсив наш. – В. Л., Д. К.)» [4, с. 8]. Здесь не только отрицается вторая составляющая либерально-постиндустриальной трактовки экономического развития, но и подчеркивается важность *индустриальной базы* для становления постиндустриальной экономики.

Понимание постиндустриальных процессов у В. Иноземцева выходит на более высокий теоретический уровень, следствием чего является отрицание формальных «отраслевых критерии» постиндустриализма и обращение к анализу содержания этого процесса, связанного с изменением характера трудовой деятельности человека. Большая теоретическая глубина соотносится и с более корректными практическими рекомендациями: отказом от либерально-постиндустриального фундаментализма и подчеркиванием необходимости форсированной неоиндустриализации, без чего невозможен выход на постиндустриальный этап развития (в виду отсутствия промышленных предприятий за рубежом, аффилированных с российской сферой высоких технологий в рамках ТНК).

Стратегия развития, разработанная под рук. В. Иноземцева, не предусматривает радикальных политico-экономических изменений и стоит на позициях либерального реформизма. Отмечается, что «стратегической целью российской модернизации является построение рыночной дебюрократизованной экономики, включенной во взаимовыгодные международные хозяйствственные связи...» [4, с. 128]. Но в отличие от Стратегии-2020, здесь подчеркивается и важная роль государства, которое должно «поставить задачи развития выше аппетитов олигархов и чиновников» [4, с. 130].

Конечно, промышленноориентированная рыночная экономика, в которой процессы перераспределения сырьевой ренты взяты под частичный контроль государства, выглядит более привлекательной для России, чем «перераспределительный постиндустриализм». С точки зрения социально-экономического эффекта, от анализируемой стратегии следует ожидать сглаживания имеющихся антагонизмов в связи с переходом к более приемлемой для общества структуре национальной экономики. Подчеркивается и необходимость связи производства сырья, промышленных товаров и технологий, что может послужить основой для постепенного технологического обновления производства и региональной интеграции. Однако сглаживание обозначенных антагонизмов вовсе не означает их преодоление, что в принципе невозможно в рамках капиталистической системы общественных отношений. Соответственно, рыночно-либеральные меры не позволяют решить неэквивалентность распределения ресурсов и доходов.

Таким образом, стратегия, разработанная под

руководством В. Иноземцева, может быть охарактеризована как *рыночно-неоиндустриальная*: с одной стороны она отвергает ориентацию Стратегии-2020 на форсированное построение мнимого постиндустриализма, с другой – разделяет либеральные методы реформирования экономики, отстаивает идею прогрессивности рыночного хозяйства. Различие в практических рекомендациях между двумя либеральными стратегиями объясняется различиями в используемой *методологической базе*: рыночные неоиндустриалисты во главе с В. Иноземцевым разделяют идею об изменении структуры факторов производства в постиндустриальном обществе, но отрицают представления о преодолении материального производства в мировом масштабе. Следствием этого является сравнительно большая «общественная полезность» их практических рекомендаций, поскольку они признают *необходимость сглаживания антагонизмов* российской экономики.

Иное понимание постиндустриальных тенденций характерно для работ С. Губанова – автора стратегии «неоиндустриализации» России (неоиндустриальная парадигма). Придерживаясь классического политэкономического взгляда на процессы общественного развития, он четко различает сущностные изменения способа производства как такового (от капитализма к «посткапитализму») и менее глубокие, тенденциозные трансформации внутри капитализма, сохраняющие его основу (от индустриального капитализма к неоиндустриальному). Сущность «посткапиталистической» трансформации понимается Губановым политэкономически, как поворот от закона прибавочной стоимости к закону экономии труда, и, далее, к закону увеличения свободного времени. На современном этапе общественного развития происходит накопление материальных предпосылок такого перехода, так что он «олицетворяет будущее, а не настоящее» [2, с. 6]. Для понимания «настоящего» нужно обратиться к анализу производительных сил передовых обществ, для которых характерна последовательная индустриализация.

В контексте отечественных экономических исследований позиция Губанова является *политэкономической критикой* как «отраслевой» трактовки постиндустриализма, так и ее теоретических оснований – идей об изменении структуры факторов производства и снижении роли материального производства в экономике. Такому посылу соответствует понимание реалий отечественной экономики: причиной ее деиндустриализации является «дезинтеграция добывающей и обрабатывающей индустрии, причиной их дезинтеграции – дезинтеграция собственности, причиной дезинтеграции собственности – господство частнокапиталистической ее формы» [2, с. 17].

Критическая позиция сохраняется и в отношении либеральных программ развития. Согласно Губанову, «консервативная альтернатива [рыноч-

но-неоиндустриальная стратегия] настаивает на сохранении государственно-олигархического партнерства и политически ограниченного господства олигархической собственности, а стало быть – на сохранении компрадорской экспортно-сырьевой модели. Реакционная альтернатива [*рыночно-постиндустриальная стратегия*] выступает за экономически и политически неограниченное господство персонифицированной олигархической собственности, требуя освободить ее от всякого государственного партнерства, от малейшей национализации доходов» [2, с. 16]. Подлинной альтернативой инерционному сценарию, по мнению Губанова, может стать только «неоиндустриальная» стратегия развития России, предполагающая «планомерное превращение раздробленного ныне отечественного народного хозяйства в консолидированную *неоиндустриальную экономику ТНК*, качественно однородную с экономикой ТНК передовых индустриальных стран мира, а потому конкурентоспособную по всем ключевым параметрам...» [2, с. 12]. На наш взгляд, именно *политэкономическое понимание* процессов современной социально-экономической трансформации позволяет избежать многих теоретических заблуждений и определить реальные ориентиры развития отечественной экономики. Из всех рассмотренных стратегий, практическое воплощение такого понимания имеет место только в стратегии С. Губанова. «Неоиндустриализация» России представляется той целью развития, которая будет способствовать последовательному смягчению экономических антагонизмов, что невозможно без активной государственной политики, последовательного перехода к *плановому развитию*.

Основой сокращения диспропорций регионального развития должна стать экономическая интеграция на основе «закона неоиндустриализации», предлагающего возможность извлечения прибыли только из готовой продукции, а не из сырья и материалов. Создание межотраслевых корпораций может способствовать комплексному

развитию регионов, преодолению узкоотраслевой ориентации их экономики. Для добывающих регионов это означает создание и развитие обрабатывающих производств, для «постиндустриальных» мегаполисов – их интеграцию в национальную экономику не на правах «utiлизаторов» сырьевой ренты, а в качестве центров технического обновления производства. Отсутствие жестких критериев размещения обрабатывающих производств открывает возможности для развития и в несырьевых регионах, в настоящее время обладающих избыточными трудовыми ресурсами.

Как отмечает С. Губанов, «на стадии государственно-корпоративного капитализма воспроизведение промышленного капитала уже невозможно без непосредственного обслуживания физического и духовного *воспроизводства человека* [2, с. 53]. Среди прочих предлагаемых альтернатив, на наш взгляд, именно государственно-корпоративный капитализм может в наибольшей степени способствовать *гуманизации экономики* посредством интеллектуализации труда работников (поскольку неоиндустриализация предполагает автоматизацию, переход к технотронным производительным силам) и подъема их личного благосостояния, качества жизни (ведь только отказ от либерально-рыночной модели и переход к планово-корпоративному развитию может способствовать более справедливому распределению доходов).

Анализ предлагаемых стратегий развития России показывает, что за разными практическими программами находится и особое для каждой стратегии (и ее авторов) понимание сущности так называемых «постиндустриальных тенденций». На наш взгляд, именно степенью теоретической глубины восприятия тенденций общественного развития и социальной позицией авторов определяется «общественная полезность» их стратегий. Лишь неразрывное единство теории и практики позволит избежать выбора формально логичных, но теоретически некорректных ориентиров развития России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл : пер. с англ. – М. : Academia, 2004. – CLXX, 788 с.
2. Губанов, С. Системный выбор России и уровень жизни / С. Губанов // Экономист. – 2011. – № 11. – С. 3–55.
3. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года «Стратегия-2020: Новая модель роста - новая социальная политика» [Электронный ресурс] // Стратегия-2020. Стратегия социально-экономического развития страны до 2020 года. – 2012. – URL: <http://2020strategy.ru> (дата обращения: 1.11.2012).
4. Принуждение к инновациям: стратегия для России. Сборник статей и материалов / под ред. В. Л. Иноzemцева. – М. : Центр исследований постиндустриального общества, 2009. – 288 с.
5. Российский статистический ежегодник. 2011 : Стат. сб. / Росстат. – М., 2011. – 795 с.

□ Авторы статьи:

Кочергин

Дмитрий Геннадьевич,
аспирант каф. экономики КузГТУ.
Email: dmitry887@mail.ru

Логачев

Владимир Анатольевич,
докт. экон. наук, проф. каф. экономики
КузГТУ. Email: lva.eti@kuzstu.ru